

«По сути дела ООН является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам».

(Из беседы тов. Сталина И. В.
с корреспондентом «Правды»)

Рис. Б. ФОМИЧЕВА

АнкордеООН

К Р О К О Д И Л

ЗАНИМАЙТЕ ВАШИ МЕСТА!

Директор завода товарищ Соседов
Завкадрами вызвал к себе для беседы:
— Прошу, Спиридон Спиридоныч, присесть,
Тебе персонально задание есть.
Сегодня я был на соседнем заводе,
Завод по значению нашего вроде,
Директор Михеев нас чином не старше,
А всё ж у Михеева две секретарши!
Солидность, мой друг, в каждом деле важна.
Солидность успехи сулит нам,
А вот у меня секретарша одна.
И это совсем не солидно.
Учти же ты, надры для нас подбирая,
Мне тоже нужна секретарша вторая!

Завкадрами оставил: — Нужна-то, нужна,
Но штатом положена только одна,
Одна секретарша...
— Ну, знаешь, всегда ты
Смыслаться готов на какие-то штаты.
А ты постарайся, а ты как-нибудь
Сумей это дело хитро провернуть!
По штату нет места? Но есть же возможность
Заполнить другую вакантную должность...

И вот секретарша без всяких преград
На должность монтера зачислена в штат.
Проходит неделя — и новая сложность:
Нужна для монтера вакантная должность.
Но тут же находится выход простой:
Оформлен усатый монтер медсестрой.
Проходит неделя, другая проходит...
Что делать? Нужна медсестра на заводе.
Вопрос утрясается с места в карьер:
Зачислена в штат медсестра как курьер.

Но так как в истории нету примера,
Чтоб дело могло обойтись без курьера, —
Курьера нашли.

И старик сердобольный
Был тут же оформлен как тренер
футбольный.

Весна. Отшумел ручейков перезвон,
Уже наступает футбольный сезон.
Директора дружно штурмуют ребята:
— Нам тренер футбольный положен
по штату!

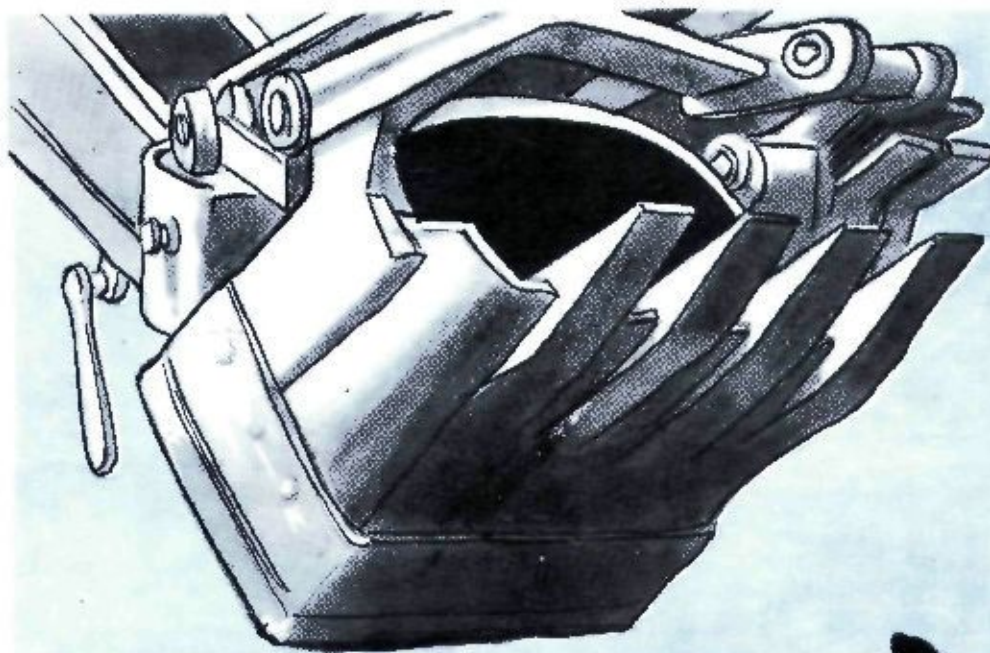
Директор жонглирует штатами снова —
И тренер оформлен как повар столовой.

Приходит весной ревизор на завод.
И, взяв расписание штатное,
Директору тот ревизор задаёт
Вопросы весьма неприятные:
— У вас секретарша должна быть одна.
Я вижу вторую. Откуда она?
Директор ответил, смущение спрятав:
— У нас лишь одна секретарша... по штату.
— А кто, с секретаршей ведя разговор,
Стучит на машинке?
— Гм... это монтер.
— А кто же усатый сегодня с утра
Сидит на фонарном столбе?
— Медсестра.
— А кто на медлуните тогда, например,
Дежурит и ставит компрессы?
— Курьер.
— Простите, вопрос возникает неволью:
Кто ж ходит с пакетами?
— Тренер футбольный.
— Совсем я запутался, честное слово!
А кто ж тренирует команду?
— Гм... повар.

Не правда ли, как усложнился вопрос,
Который, бесспорно, и ясен и прост:
Монтер должен быть и по штату монтером,
А не медсестрой или, скажем, вахтером,
Шофёр не курьером, а только шофёром,
Директор — директором, а не жонглёром!

— Этот стахановец сэкономил металла на одну деталь!
— Всего!

— Да! Вот она!

Некоторые партийные комитеты подменяют хозяйственные организации и занимаются вопросами снабжения, забывая о партийно-политической работе.

Рис. В. ФОМИЧЕВА

В порядке живой очереди.

В. КАРБОВСКАЯ

Очень просто

ПАРОВОЗ прокричал за лесом, значит, вот-вот покажется из-за поворота.

— Бабушка, приготовься! — крикнул Серёжка, подхватывая корзину.

Анна Егоровна затопталась на месте и тоже схватилась за ручку корзины. В это время за её спиной раздался громкий голос:

— Нюша! Да это никак ты?

Анна Егоровна оглянулась. К ней подбежала женщина в клетчатой шали.

— Варя! Ой, батюшки, сколько лет не видались...

В другое время обе пожилые женщины непременно обнялись бы и с удовольствием всплакнули, но сейчас у обеих руки были заняты, да и времени оставалось считанные секунды.

— Далёко ли?

— В Москву.

— Насовсем?

— Ой, что ты! С Валушкой повидаться.

— Нюша, милая ты моя, — быстро заговорила женщина в клетчатой шали, — в Москве будешь, зайди ты к моей Дуню...

— А-ай, она в Москве?

— Господи, да уж скоро пятнадцать лет. Прощай год она ко мне приезжала с мужем...

— Замуж вышла?

— Милая моя, хватилась! Уж двое ребятшек у ней...

— Бабушка, подходит! — стучанно крикнул Серёжка и рванул за корзину.

Поезд показался из-за поворота. Анна Егоровна махнула рукой: дескать, теперь поздно давать наказы, но Варя ухватила её за рукав и горячая говорила:

— Нынешней зимой я к ней собиралась, да не смогла. Я ей писала, так ты, Нюша, зайди, зайди, милая...

— А где её там искать-то?

Красавец паровоз, словно сердясь своей силой, выставив литую грудь, подкатил к станции.

— Шестой вагон, шестой вагон, бабушка,

не теряйся! — бормотал Серёжка, гаща корзину вместе с удивившейся за неё Анной Егоровной.

За ними бежала Варя.

— Улицу-то, улицу не позабудь! Номер дома запомни! Завод там, все знают...

Кондуктор, молодая девушка, проверила билет, ловко посадила Анну Егоровну на площадку, а сама встала на ступеньке.

— Граждане, стойдите, сейчас поезд тронется. А вы, мамаша, войдите в вагон.

— Сейчас, милая ты моя, одно слово сказать... Варя! Дуня твоя кем там работает?.. А? Кто-си?..

Паровоз сердито крикнул: больше никого ждать не намерен! Вагоны, всегда согласные с ним во всём, сдвинулись с места. Анна Егоровна, высунувшись из-за плеча кондукторши, увидела, как Варя кричала что-то, а что, не разберёшь, и напоследок услышала только звонкий голос Серёжки:

— Бабушка, не выковыряйся! Святишь-ся!

Станция осталась далеко позади. Девушка-кондуктор оказалась общительной и любезной. Она предложила молодому человеку, который сам с собой играл в шахматы, перебраться на верхнее место («Вашим королям там даже удобнее будет, никто их не смажёт») и устроила Анну Егоровну вверху. В благодарность Анна Егоровна тотчас рассказала ей, что она каждый год в марте месяце навещает дочку в Москве, что дочка у неё аспирант! А Варя, которая в клетчатой шали, — её старинная подруга, только не встречались они уже много лет. Варя вышла замуж по ту сторону станции за сорок километров, а сама Анна Егоровна живёт по эту сторону в тридцати пяти километрах. Пошли деткишки, где уж тут по гостям разъезжать? А Дуню, которую надо повидать в Москве, она помнит худощавенькой девчонкой, как-то раз видала её на ярмарке вместе с Варей.

— Как я её разыщу, ума не приложу.

— Разыщете, мамаша, — сказал шахматист. — В Москве да чтоб человека не разыскать!

За сутки пути Анна Егоровна освоилась и угощала попутчиков сметанными лепёшками. Рано утром, перед Москвой, шахматист свесил с полки вздохмачешную голову и спросил:

— Мамаша, вы давно не спите?

— Давно, милый. Мне думается, всю ночь глаз не сомкнула.

— Что утрём по радио передавали, какая в Москве погода?

— С утра один-два, а днём... это самое... поль-ноль.

— Значит, не в мою пользу, — серьёзно сказал шахматист. — У меня на ногах унты. А у вас, мамаша, наверно, все дети — погласно футболисты, раз вы даже о погоде высказываетесь футбольными терминами?

— Нет, я детей своих строго воспитывала, — сказала Анна Егоровна. — А внуки, действительно, все поголовно.

В Москве было не поль-ноль, как предсказывали осторожные метеорологи, а самая настоящая мокрая, синеглазая, несёлая весна. Северянину — шахматисту в унтах — в самом деле не повезло. Зато Анну Егоровну, как и в прошлые годы, встретили, усадили в машину и за несколько минут домчали до дома.

«Вот у меня какая дочка! — думала Анна Егоровна. — А какого-то варина Дуня?»

Дуню она решила отыскивать на другой же день. Адрес был точный. Она остановилась перед чугунными воротами завода, увидела, как люди входят в проходную будку, и пошла за ними.

— Мамаша, вы к кому? — окликнул её седой вахтёр.

— Мне, батюшка, Дуню Прохорову разыскать нужно, — ласково сказала Анна Егоровна.

— Задача! — усмехнулся вахтёр. — Да у

нас тут, может, с полсотни Дуняш работает.

Войкая девушка, супушшая вахтеру под самый нос свой пропуск, сказала:

— Это она к шеф-повару. Нашего шефа Дусей зовут. Как только выйдете, мамаша, так первая дверь налево.

«Что ж, и повар не плохая должность, — думала Аня Егоровна, поднимаясь по лестнице, где пахло жареной рыбой. — Конечно, не то, что мой Валушка, аспирикт!»

Когда же на пороге кухни, блистающей белыми изразцами и пачищенной посудой, появилась румяная грузная повариха, Аня Егоровна отступила и произвела смущённо:

— Ох, нет, это не ты! Наша Дуня помоложе будет.

— Моложе не бывает! — озорно сказала повариха. — Да вы откуда? С колхоза «Заря»? А я, гражданочка, корепная москвичка. В тридцатом году сюда переехала из-под Ростова! Понятия не имею, что за колхоз «Заря»!

Аня Егоровна обиделась:

— Вот это зря. О нашем колхозе, голубка, даже в Кремле знают.

— Правильно, мамаша! — одобрил мужчина в очках, пообедавший за соседним столиком. — Так вы кого ищете? Дусю Прохорову? Подождите, подождите...

Он подумал и громко рассмеялся:

— А вель нашу старшую машинистку как раз Евдожией зовут. Хотя кличут её Дорой. Да вот и она сама!

В столовую входила пожилая сухоперая особа с надменным лицом.

— Дора Ивановна, к вам родня из деревни! — крикнул мужчина в очках.

Старшая машинистка оглядела Анну Егоровну и пожала плечами.

— У меня родственники живут в Ленинграде, — сказала она с достоинством. — Брат — член-корреспондент Академии наук, тётя — лауреат, племянник — чемпион...

— Ай-яй-яй, такая родня высококультурная, — улыбнулся мужчина в очках, — а вы, Дорочка, печатаете простое слово «корова» через «а» — «карова»!

Дора Ивановна вежливо:

— Корова в деловой переписке — явление исключительное.

Прошла и села за дальний столик.

— Ах ты, Дорочка искажательная! — вздохнул человек в очках. — Я, мамаша, начальник отдела кадров, Фокин. Мы с вами сейчас пойдем ко мне и разыщем вашу Дуню.

Крепко зажав в руке пропуск, Аня Егоровна шла рядом с Фокиным по обширной территории завода. Мимо них проезжали машинки, гружённые ящиками, где-то шипел, вспыхивая белым огнём электросварки, навстречу им попадались весёлые дончаты в шапках и брезентовых рукавицах, и она думала о том, что Дуняшек тут работает с полсотни и мудро будет разыскать в этом огромном, сложном хозяйстве неприметную варику Дуню. Кто-то окликнул их:

— Товарищ Фокин, к директору!

— А она у себя, Евдожия Мих... — начал Фокин и вдруг вопросительно поглядел на Анну Егоровну: — Мамаша, а эта наша Дуня, случайно, не директор нашего завода? Дело в том, что она была когда-то, главным-главно, Прохоровой, когда ещё работала в инструментальном цехе. А вышла замуж, стала носить фамилию мужа — Фетиова...

— А что ж, очень просто, — неуверенно сказала Аня Егоровна.

В небольшом кабинете за письменным столом сидела молодая женщина в вязаной кофточке и читала какую-то бумагу. Услышав, что кто-то вошёл, она подняла голову, взглядела и, порывисто поднявшись, подбежала к Анне Егоровне:

— Тётя Нюня!

Аня Егоровна, сама не зная отчего, заплакала, крепко обняла варику Дуню, а потом, оглянувшись на Фокина и смеясь сквозь слёзы, сказала:

— Она и есть! Очень просто! Ничего удивительного!..

- Что вы ищете?
- Понимаете, затерялась одна бумажка!
- Какая?
- Не могу сказать. Совершенно секретная инструкция!

- Не беспокойте меня по пустякам! Распорядитесь сами!
- Простите, но нужна ваша подпись!
- Моя подпись! Тогда я этот вопрос согласую с министром!

В АСТРАХАНИ стоят ясные дни. Предвесеннее солнце заливает ярким светом бесснежные улицы, обсаженные тонкими, как лозинки, молодыми деревцами. Днём, когда солнце в зените, с крыш дружно ударяет капель. Глядя, как точит она наледь, труженики реки и моря — капитаны сейнеров, ловцы с режшек, рабочие

— Да это не мы. Министерство! Мы бы всей душой. Нам Главснаб не даёт железа.

Астраханцы не хитрят. Они и впрямь всей душой. Им дозарезу нужны рыбницы.

— Неужели из-за нескольких десятков тонн железа не будут спущены к путине новые суда? — спрашиваем мы управляющего трестом Михаила Ивановича Сазыкина.

— Нас подводит министерство, — сокрушённо заявляет Михаил Иванович.

Управляющий говорит сущую правду. Снабженцы из Министерства рыбной промышленности проявили в этом деле такое стрекозье легкомыслие. Но...

— Нельзя ли мобилизовать внутренние ресурсы, изыскать на месте хотя бы часть необходимого железа?

Михаил Иванович скорбно качает головой. Весь его вид говорит о том, как трудно порой объяснить несведущим людям всю сложность создавшейся ситуации. Железный болт! О, это совсем не простая штука! Железный болт! Его не сыщешь на земле астраханской, не найдёшь и на дне морском. Железный болт! О, это проблема проблем!

Мы оставляем Михаила Ивановича наедине с его думами и

посылали гонцов во все братские республики?

— Да нет! Болты достали в Астрахани. Десять тысяч пятьсот штук. На заводе областного прома. Отсюда рукой подать.

Услышав эту поразительную новость, мы помчались к Михаилу Ивановичу, чтобы хоть немного взбодрить его. Но, к

министру Константину Викторовичу Русакову: почему так медленно пополняется состав приёмного самоходного флота?

Что ответить бригадиру из рыбацкого Бахтемира?

Как министерство объяснит нынешней весной рыбакам, которые будут ожидать на море погоды, что в строительстве самоходного флота погоду подчас делает всё тот же злощастный железный болт?

«НЕТ» — ГОВОРЯТ КАПИТАНЫ

Железный болт, оказывается, не исчерпывает всей ведомственной проблематики. В прошлом году в Икрянинской моторно-рыболовной станции (МРС) неожиданно возникла ещё одна проблема — каната «вожака». Канаты то и дело рвались, сейнеры простаивали в самое что ни на есть горячее время лутины, и рыбаки не могли использовать до дна новейшую технику. В МРС начали поговаривать о роковом несоответствии между мощностью новых судов и прочностью орудий лова. В действительности же ничего рокового и неотвратимого не было, а было всё то же стрекозье легкомыслие, на этот раз в области лавирования.

— А хорошо ли нынче распределяет МРС орудия лова?

— Плохо, — говорят капитаны.

— Хорошо, — говорит МРС.

И так во всём. Ну, как не вспомнить известную песенку: «И часто ссорились эти друзья. Пой песню, пой».

И если один говорил: «Да!», — «Нет!» — говорил другой.

— Получаете ли вы сейчас канаты нужного сечения?

— Нет, — говорят капитаны.

— Да, — говорит МРС.

— Хороши ли сети?

— Нет, — говорят капитаны.

— Да, — говорит МРС.

с пловучих рыбозаводов — радостно улыбаются:

— До весны рукой подать! Скоро путина!

Дыхание приближающейся весны не чувствуется только в Волго-Каспийском рыбопромышленном тресте. В его жарко натопленных комнатах стоит декабрь. Зимней стужей веет от трестовских разговоров и дел.

ЖЕЛЕЗНЫЙ БОЛТ КАК ПРОБЛЕМА

Особенно понижают ведомственную температуру невесёлые вести из Казани. В своё время астраханцы заказали там моторные рыбницы. Казанцы дружно взялись за дело. И вот тридцать новеньких судов стоят на площадках в ожидании двигателей и болтов. Но ни того, ни другого Астрахань не шлёт. Чуть ли не ежедневно между рыбаками и судостроителями происходят полные внутреннего драматизма телефонные переговоры.

— Не томите! — молят строители. — Присылайте скорее болтовое железо.

— Обождите малость!

— Ждать больше нестерпимо! Суда наши стоят на затопляемых площадках. Дождёшься паводка — не оберёшься беды.

— Нет у нас железа!

— Как нет! А договор вы подписывали?

— Сгоряча чего не подпишешь!

— Стало быть, под нож нас подводите?

скорбью и спускаемся к Волге, туда, где ремонтируется пловучий завод. На берегу реки мы неожиданно видим бочку, наполненную до краёв железными болтами.

— Неужто это те самые болты, которых не сыщешь и на дне морском?

— Насчёт дна не скажу, не бывал, — говорит директор судоремонтной базы Николай Степанович Хвостов, — а на земле при желании их найти можно.

— Наверное, семь потов сошло, пока их достали? Небось,

сожалению, управляющего трестом повидать не удалось. Он был занят на совещании, которое, видимо, было посвящено жгучей проблеме железного болта.

У МОРЯ И НА МОРЕ

— Как по-вашему, хорошо это занятие — сидеть у моря и ждать погоды?

— Для метеоролога неплохо.

— А для рыбака?

— Несважное.

— А находиться на море и ждать погоды — совсем уж никудышное дело. Не правда ли?

Мы попросили Алексея Гордеевича Арьянова, бригадира бахтемирского колхоза «Большевик», не говорить загадками.

— Какие же, право, загадки? — пожимает плечами бригадир. — Жизненный факт. Вот, скажем, добыл я рыбку. Жду рыбницу — сдать улов. А рыбница, будь сна трижды неада, едва ползёт под парусом. Ветер, видите ли, не тот. Ну и томисься, будто на углях.

— Почему на углях?

— А как же! Солнышко-то припекает! Песка ты ждёшь, золотая твоя рыбка обернулась третьим сортом.

Сидящие в правлении колхоза капитаны сейнеров Василий Яковлевич Чередников, Михаил Дмитриевич Пищиков, Филипп Николаевич Суховеев соглашаются с бригадиром.

Да! Намытаришься с этими парусниками! То ли дело — моторная рыбница: пулей подлети!

— Вот я и прошу задать от моего имени вопрос нашему

— Нажимайте, ребята, а то в нашем цехе всего семьдесят процентов выполнения плана!

— Нечего сказать, хороши! — волнуется Михаил Дмитриевич Пищик, капитан сейнера № 802. — Я только что прискал с зимнего лова. Был в Северной экспедиции. МРС снабдила нас сетями для лова лосицы и белорыбки. Рвёт лосица эту

сеть, как хочет. Этой, извините, сеточкой сельдьку лавить, да и то маринованную!

— Прислушивается ли МРС к советам рыбаков? Исправляет ли ошибки прошлого года?

— Нет, — говорят капитаны.

— Да, — говорит МРС.

В этом несогласном хоре голоса капитанов звучат одиноко, потому что областное управление МРС подпевает своему периферийному детищу.

О ЛЕДОВОЙ ЭКЗОТИКЕ

В жарко натопленных кабинетах Астраханского рыбколхозсоюза и областного управления МРС любят поговорить о ледовой экзотике. Приезшему человеку охотно расскажут о ледяных морях, рыбаках, дрейфующих на льдинах, о суровом безмолвии снежных пустынь Северного Каспия. Не менее увласкательно поведают вам о рыболовецких экспедициях, об островах — базах морских рыбаков.

— Вот если бы вам удалось познакомиться с рыбаками, живущими на островах! Они бы рассказали много интересного. Но как к ним попадёшь? Разве что самолётом...

На следующий день самолёт доставил бригаду Крокодила на остров Дальне-Новинский. Следует подчеркнуть, что на Северном Каспии нас не дожимали неизвестные морьяны и ледяные поля не разрывались на наших глазах. И рыбаки не рассказывали леденящих кровь историй и не кокетничали своим мужеством. Их волновали более прозаические вещи.

— Походите по острову, — говорили они. — Найдите хоть одну газету, журнал, хоть одну радиоточку.

Мы ходим и не находим.

За зиму на Дальне-Новинский не приезжал ни один лектор. Рыбаков, попросту говоря, забыли. Они как бы перестали существовать для Марфинской МРС, Астраханского рыбколхозсоюза, для правлений колхозов.

— Летом всяких упомо-ченных хоть пруд пруди, а сейчас их днём с фонарём не сыщешь, — говорят рыбаки Александр Семёнович Яковлев и Александр Михайлович Бабушкин из марфинского колхоза «Победа».

— Рыба ищет, где глубже, упомощенный, — где теплее, — говорит Иван Константинович Павлов из колхоза «21-я годовщина Октября», намекая на неустроенность рыбацкого быта.

Справедливый упрек! Обоснованная жалоба! Разве нельзя было благоустроить временное рыбацкое жильё, как это предусмотрено и даже реализовано в... бумагах Астраханского рыбколхозсоюза, который, кстати, решает вопросы зимнего морского лова без отрыва от берега? Разве баня-временка и радификация Дальне-Новинского — тоже проблема проблем?

Мы покидаем затерянный во льдах и забытый областными организациями остров. Во время обратного, мало чем примечательного полёта на ум приходит простая мысль: если бы те, кто не в море, меньше занимались высосанными из

пальца проблемами и больше прислушивались к голосу тружеников рёси и моря, рыбацкая Астрахань давала бы больше рыбы.

**А. МИТНИЦКИЙ,
С. ШАТРОВ,**
специальные корреспонденты
Крокодила

Астрахань Бахтемир
остров Дальне-Новинский.

Рис. Ю. ГАНФА

Недвижимая.

Движимая.

В УРДАЛАКИ

НАШ журнал уже привозил некоторые печатные отзывы британцев об их современниках.

В журнале цитировались выдержки из сочинений леди и джентльменов, посвященных их современникам, в частности премьер-министру Великобритании г-ну Клементу Эттли.

В этих сочинениях премьер именуется «уродцом», «ничтожеством» и «пустым местом».

Пусть леди и джентльмены говорят о присутствующих. Нам известно, что они в данном случае нарушают обычный доброй старой Англии, запрещающий непочтительно отзываться о присутствующих и критиковать их невзирая на лица. Мы весьма рады, что леди и джентльмены перестают руководствоваться в своей критике и самокритике традиционными правилами обитателей Пиквикского клуба, пользовавшихся выражениями деликатного свойства. Мы отнюдь не возражаем против того сдвига, который происходит в наши дни в критической деятельности леди и джентльменов.

Но мы хотим напомнить distinguished британцам об одной весьма хорошей традиции, следовать которой отнюдь не эгоистично даже для чопорных обитателей острова, расположенного в водных просторах Атлантики.

Эта традиция обязывает относиться с уважением к мертвым. Древние греки наказали, что о мертвых надо говорить хорошее. Если же хорошего о том или ином покойнике нельзя сказать, то надлежит придерживаться в отношении его «фигуры умолчания».

У русского поэта Пушкина мы находим более определенное мнение насчет почтительных Предков:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

В свете мудрых наставлений древних греков и гениального русского поэта весьма неприглядно предстает перед нами остроумище, занимающееся конунгством на кладбищах, глумящееся над памятниками своих великих и славных предков.

Кто такой Роберт Бернс? Что сделал он? Чем прославил свою родину?

Любой советский школьник, отвечая на эти вопросы, скажет, что Роберт Бернс — великий английский поэт, что слово его является жемчужиной в английской литературе, что именем его может гордиться английский народ.

Но леди и джентльмены, пылушие биографические и критические сочинения, доказывают, что Роберт Бернс, умерший полтора века тому назад, был всего-навсего «пьяным гулякой» и «беспутным человеком». Этот субъект ничего полезного не сделал на своем веку. Поразительно, как могли герпеть Бернса его современники! Как это они не вздернули его на веревку, не предали суду Линча...

Или возьмите другого англичанина — Джорджа Гордона Байрона. Кто там говорит, что Байрон — гениальный поэт, великий гражданин своей родины, пламенный борец за передовые идеалы своего века, друг оскорбленных и унижен-

ных, певец человеческой свободы? Прострите, что писали и пишут об этом человеке джентльмены и леди, присвоившие себе титулы историков и литературоведов. На основании «глубокого анализа» они пытаются доказать, что Байрон был мелкотравчатым человеком, развращенным до мозга костей коварным обольстителем женских сердец, перед романтическими подвигами которого меркнут подвиги Фаурентинца Казановы. Вам предьявят длинный дожуанский список поэта. Вам будут внушать, что покойник совершенно не заслуживает почтительного отношения к нему.

Как тут не вспомнить байроновские слова:

О гадина! Ты ядовитым зубом
И мертвого извиль в стремленьи грубом
Козли!

Пророческие слова! Были, как видите, пророки в доброй старой Англии...

Во глубину веков продвигаются со своими чадными факелами и ржавыми заступами бесстыдные гробокопатели.

Вот они в своих экскурсах по богостам добрались до праха Шекспира.

В январе текущего года американская газета «Дейли комюнс» (ее сотрудники пишут и говорят на английском языке) дошла до сведения своих читателей сообщение агентства Ассошиэйтед прес из Лондона о новом открытии в области лежкопирательства. Исследователь Джорджи Аше является автором этого открытия. Сей джентльмен, видите ли, залез в архивы шестнадцатого

столетия и, копаясь в бумагах, оставшихся от королевы Елизаветы, нашла какие-то шесть строчек, на основании которых сделал и опубликовал свой вывод о том, что Шекспир был не кем иным, как... международным шпионом.

Джозеф Аше назван в американской газете исследователем, историком литературы. Это очередная ложь вконец измучившейся буржуазной прессы. Джозеф Аше — не историк. Он один из подлых героев гениального английского драматурга, он Терсит, что «чеканил клевету, как монету».

Мы могли бы пройти мимо этого оплаченного тридцатью серебряниками очередного доноса. Брань, как говорит русская пословица, на воротах не виснет. Но мы привлекаем внимание наших читателей к подобному рода фактам из мерзкой практики вурдалаков потому, что мы имеем дело уже с продуманной смелой.

Дело в том, что подлости и негодия, орудующие на вышеупомянутом острове и в пределах Западного полушария, очень желают снизить человека до своего морального уровня. Честный человек нетерпим для негодия. Палачу нестерпимо видеть ослепнувшую и ошуюю человека, питающего отвращение к электрическому стулу. Продажная душа не выносит соседства неподкупного человека. Амеца коробит присутствие правдолюбца.

Премьер Англии и президент США называют себя христианами. Но они пересматривают опыт господ-творца: Элла и Трумэн хотели бы заново сотворить Шекспира — на этот раз по своему образу и подобию.

Отсюда все качества. Потому и стряпаются всякого рода фальшивки и гнусные инсинуации по адресу мёртвых, благородные имена которых дороги всем честным людям мира сего.

«Странные эти существа, — писал наш Горький о мелких бесах растленной буржуазной словесности. — Они суетливо кружатся у подножия самых высоких колоколов мира, кружатся, как маленькие собачки, визжат, лают, слывая свои завистливые голоса со звоном великих колоколов земли».

Тщетны усилия ненависти — всё великое останется великим. Визг и приск карликов, хвещающихся своими грязными пальцами за фигуры великанов, не может возмутить благоговейного покоя великих пробыниц.

И. РЯБОВ

ГЕНЕРАЛ В ПИВНОЙ

Недавно американский генерал Брэдли выступил на совместном заседании сенатских комиссий по делам вооружённых сил и по иностранным делам с требованием принять меры для увеличения поставок пушечного мяса из стран — участниц Атлантического пакта.

Кто-то из присутствующих спросил:

— А как настроен Франко? Что если бы пожелает применить к Атлантическому пакту?

— Надо подружиться с Франко! — предложил генерал. И тут же сострил:

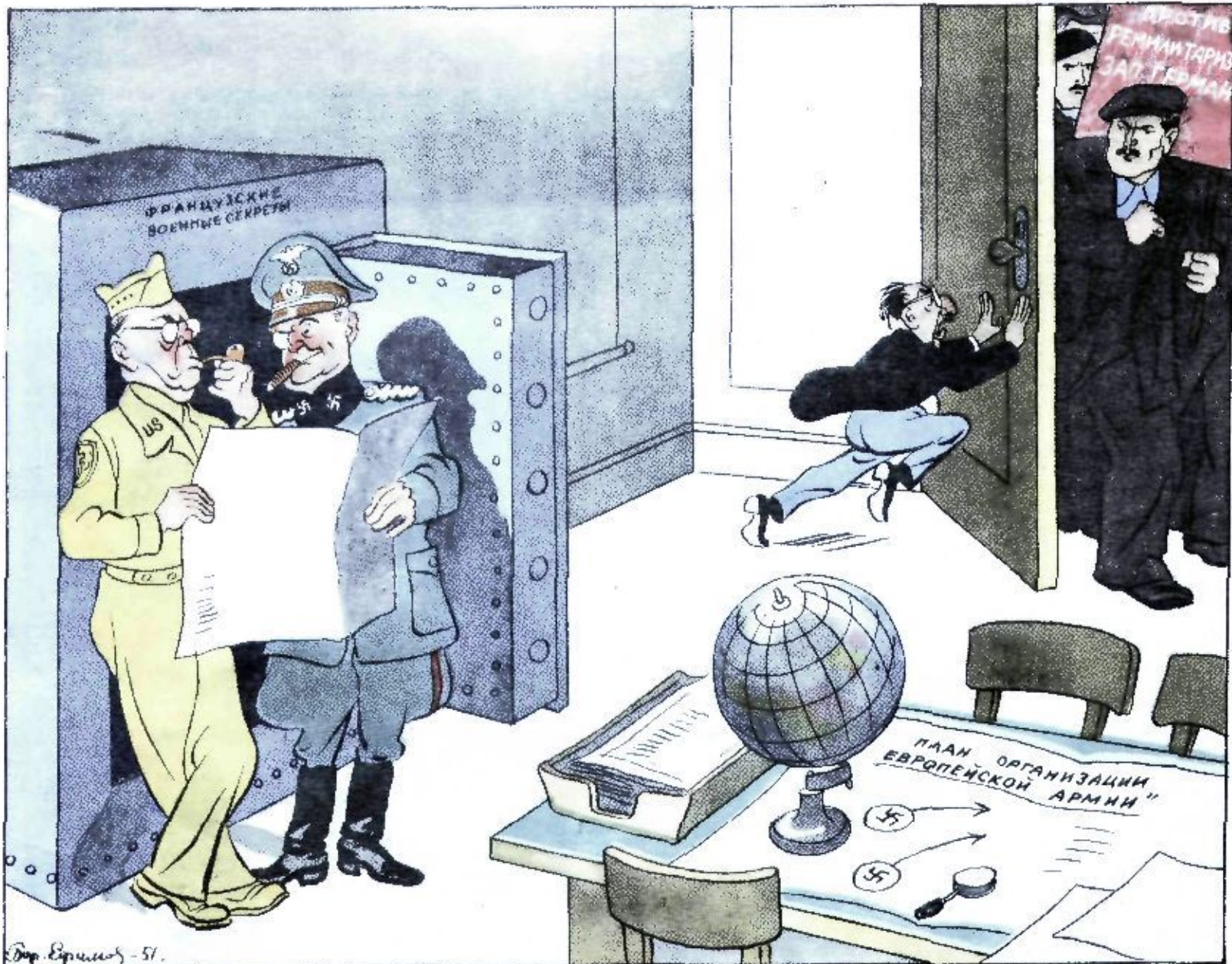
— Когда какой-нибудь хулиган устраивает скандал в пивной, это очень радует, если кто-нибудь помогает ему расшвыривать стулья. При этом хулигана не слышком будет беспокоить вопрос о том, чем запомается его сообщник помимо этого.

Нечего оказывать, американский генерал удружил всем участникам англо-американского блока, всем участникам Атлантического пакта, назвав их оптом (а заодно и самого себя) хулиганами, орудующими в пивной!

Хорошо, что Брэдли и ему подобные выступают с речами. Иногда они ненюльно разоблачают всех тех, кто подвизается в грязной североатлантической пивнушке.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Кого обороняет французский министр обороны!

ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ В СВОЕ ОПРАВДАНИЕ?

Вот несколько вопросов, какие задают «подарительным» американским гражданам в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности:

- Есть ли у вас книга Джона Рида?
 - Считаете ли вы, что форма правления в России нравится русским?
 - Какого вы мнения о дискриминации негров?
 - Принимали ли вы или ваша жена у себя дома в качестве гостя негра?
 - Примирились бы вы, если б у вашей жены были либеральные взгляды в вопросах политики?
 - Состоял ли кто-либо из ваших родственников членом коммунистической партии?
 - Принимали ли вы и ваша жена участие в дискуссиях, на которых высказывались либеральные суждения?
 - Предположим, вы узнали, что ваша жена была коммунисткой. Как вы поступите в таком случае?
 - Комиссии известно, что вы изучали русский язык. Чем вы можете оправдать это?
 - Комиссия располагает материалами о том, что вы высказывались о желательности браков между белыми и цветными. Признаёте ли вы это?
 - Комиссии известно, что вы благожелательно относитесь к разделу богатств между всеми поровну. Что вы можете сказать в своё оправдание?
- В Вашингтоне один из обвиняемых в антиамериканской деятельности на заданный ему в письменном виде вопрос: «Поддерживали ли вы отношения с фашистскими группировками или нацистами?» — ответил: «Нет!» — и поставил знак восклицания.
- Почему вы поставили восклицательный знак? — спросили его в комиссии. — Не хотели ли вы этим подчеркнуть, что являетесь противником фашизма, а следовательно, близки к коммунизму?

(Из парижского журнала «Демокраси нувель».)

Рис. Д. СОЙФЕРТИСА (по теме читателя С. Соколова, Ленинград)

- Наши солдаты плохо воюют в Корее потому, что не знают, за что воюют!
- Почему же вы не расскажете им об этом!
- Боюсь, что тогда они воевать вовсе не будут!

ДЕШЕВЫЙ ТОВАР

Рис. В. ГОРНЕВА

— У нас в Италии всё стало так дорого, что ничего не купишь.
Дёшево продаются одни министры!

СУП С БАРАНИНОЙ

ПОСЛЕ напряжённого служебного дня (пришлось высидеть подряд на трёх совещаниях) Николай Петрович Гречнев вместе со своим давнишним другом Сергеем Сергеевичем Полукиным возвращался домой. Время было вечернее, обоим хотелось есть, и по вполне понятным причинам все их разговоры вертелись вокруг обеда.

— Нет, нет, нет! И не спорь, пожалуйста! — доказывал Гречнев другу. — Домашние обеды как-то вкуснее и приятнее, чем в нашей столовой. И вообще обедать дома — одно удовольствие. К примеру, сейчас, — мечтательно говорил он, — придём домой усталые, озябшие, голодные, а нас супчик с бараниной ожидает. Сядем это мы за стол, хлебнём по тарелочке, и по всей телесной периферии начнёт разливаться такое... знаешь... одним словом, малина с мёдом!

Гречнев даже причмокнул, будто у него во рту действительно была малина с мёдом.

— Может быть, не спорю, — согласился Полукин. — Однако женщинам домашние обеды крепко достаются. Ну, посуди сам, сейчас Елизавета Ивановна пришла с работы, хочет отдохнуть, а тут с нами, с хлебушками, изволь канительиться. Нет, всё-таки трудно им.

— Подумаешь, велик труд сварить суп или, к примеру, поджарить отбивную! — не унимался Гречнев. — Раз, два — и прошу за стол. Чего же тут трудного? Мне кажется, куда грудной сидеть по восемь часов на совещаниях и слушать по своему адресу критику. Это, действительно, лошадиный труд... Ну, вот мы и добрались. Сейчас хлебнём горяченького и... Да, не знаешь, отчего это, как есть захочешь, так икота начинается? А? Вот и теперь...

Что ответил Сергей Сергеевич, Гречнев не слышал, так как всё его внимание переключилось на стол, где вместо ломтиков хлеба и расставленных тарелок лежала записка:

«Коля! Я ушла на занятия кружка. Вернусь часов в девять. Если очень хочешь кушать, сделай себе что-нибудь. Продукты за окном. Посмотривай за тестом. Лиза».

— М-да! Выходит, хлебнули горяченького, — преодолевая икоту, сказал Гречнев. — Пообедали... Это называется: приходи, кум, на обед, когда кумы дома нет.

Он постоял, озабоченно поскрёб пальцем по затылку, сходил на кухню и, вернувшись, сказал:

— Вот что, Серёжа: ты малость посиди на диване, на вот газетку почитай, а я тем временем обед состряпаю. В два счёта сделаю. Кстати, докажу тебе всю несостоятельность женской теории, будто кухня — дело сложное и хапотливое. Ну, решено?

— Раз так, то что ж тут! — развёл руками Сергей Сергеевич. — Кое в чём даже и я помогу. Один раз в детстве я помогал матери оладьи печь.

— Вот и чудесно! — обрадовался Гречнев. — Сейчас мы с тобой такой обед состряпаем, что просто... Что ни в рот, то спасибо!

Вскоре Сергей Сергеевич, надув щёки, разжигал плиту, а Гречнев, с подсученными рукавами и в фартуке, гремел посудой.

— Молоко для кофе я поставил, — информировал он друга, — а как у тебя с плитой?

— Только было стала разгораться, да опять потухла, проклятая. Почему-то дым обратно идёт.

— А ты трубу-то открыл? Ну, так и есть, не открыл. Эх ты, стряпуха! А ещё, говоришь, оладьи пёк! Теперь понятно, как ты их пёк: в масло да в рот. Нет, мне такой помощник не с руки. Разжалую тебя в судомойки. Или картошку чистить, а плиту я сам разожгу.

Через полчаса разгорелась плита, зашумело молоко в кофейнике, запахло чадом.

— Ещё немножечко, и мы с тобой отведаем супчика с бараниной, — говорил Гречнев, брезгливо переворачивая с места на ме-

сто баранину. — Только вот задача: как закладывать мясо — в сырую воду или в кипяток?

— А не все равно?..

— Нет. Иначе навар может не получиться... Впрочем, обожди. Я сейчас позвоню тётке Клаве и узнаю у неё весь технологический процесс.

Направляясь к телефону, Гречнев заметил, что тесто переваливалось через края кастрюли и ползло вниз.

— Это ещё что за выходка! — раздражённо сказал он, водворяя тесто опять в кастрюлю. — Я прошу вести себя поприличней и ждать своей очереди.

Лишь после того как над тестом поместили увесистую крышку, а на крышку положили два полена и мясорубку, друзья перешли к телефону, чтоб выслушать практические советы по варке супа.

— Алло! Тётка Клава? — кричал Гречнев в трубку. — Слушай, тётка Клава, у меня к тебе большущая просьба. Расскажи, пожалуйста, как ты варишь суп?.. Ну, ясно, самый обыкновенный... Да-да, желательное с бараниной. Что? Я с Лизой развёлся? Ну, что ты! Просто хочу попотчевать её своей стряпнёй... Ага! Давай говори.

Кивнув Сергею Сергеевичу, который стоял наготове с блокнотом и карандашом, Гречнев продолжал:

— Так-так, понятно! Значит, сперва надо взять обыкновенную кастрюлю, вымыть её нечиasto и налить воды. Тётка Клава, а как наливаете воду: вровень с краями или как? Ага, понятно! Значит, чуть повыше середины, чуть пониже ручек, понят...

Но тут Гречнев задёргал носом, с присвистом втянул в себя воздух, чихнул и крикнул:

— Молоко! Держи молоко!.. Нет, тётка Клава, я не с тобой.. Молоко, говорю, убежало!

Только теперь Сергей Сергеевич заметил, как из кухни пробиралась сизая клубы дыма, и почувствовал приторный запах горелого.

— Вот так накухарничали! — думая на обожжённый палец, сказал он. — Называется побаловались кофейком...

Шёл десятый час вечера. Гречнев и Сергей Сергеевич, оба закопченные, уставшие, с ненавистью смотрели на конопатую кастрюлю, где вместо супа получалось что-то мутное, пересоленное и очень горькое.

— Будь у тебя пуд перца, ты и сю весь бухнул бы в кастрюлю, — ворчал Сергей Сергеевич, пробуя с ложки суп.

— Хотел, как лучше, — оправдывался Гречнев, — а вышло... Ну, брат, задаст нам Лиза на орехи... А тут ещё эта мазня пыхтит. Не сидится ей в кастрюле.

И он опять стал заталкивать тесто в кастрюлю.

— Надо на него груз поувесистей положить, — посоветовал Сергей Сергеевич, ища глазами нужный предмет. — Впрочем, Коля, а что если ссесть на тесто?

— Делай, как знаешь... — Махнуть всей рукой у Гречнева не хватило сил, и он только пошевелил пальцами. — Всё равно весь аппетит пропал. И не только пропал, а, понимаешь, как посмотрю на плиту, так даже мутит, вот до чего!..

— И меня тоже, — ответил Сергей Сергеевич, катая из теста катышки.

— Вот видишь. Теперь узнали, чем домашние обеды пахнут, — признался Гречнев. — Хватили горяченького... Да я согласен горю по камушку растащить, сужками на совещаниях сидеть, беспрерывно выслушивать самую суровую критику, но только держаться подальше от кухни! И как это у женщины хватает терпения возиться с кастрюльками?..

...В тот же вечер Гречнев начал писать статью в газету об облегчении домашнего труда женщин. Пишет он эту статью и по сей день.

— Какие плохие вещи вы делаете из такого хорошего материала!
 — Пробовали делать из плохого. Получается то же самое!

КОГДА ПЛАЧУТ СВАТЫ

ТРУДНОЕ, право, дело — выбор. Помните Агафью Тихоновну из гоголевской «Женитьбы»? Купеческая дочь замучила сваху Фёклау.

Да, трудное дело — выбор! Знаете ли вы Михаила Ильича Берёзова, заместителя прокурора Татарской республики? Он вконец замучил своих сватов — казанских коммунальщиков. Когда Михаил Ильич приехал в Казань, ему предоставили квартиру. Привёл его работник жилищного ведомства на новое местожительство и говорит:

— Поглядите, какой простор, сколько света! Вот кабинет для умственных размышлений. Вот комната, где могут разместиться любезные ваши домочадцы. Вот детская, спальня. Теперь поглядите сюда — этот апартамент будто создан для ваших личных покоев. Здесь туалетная часть — душ, ванная. Удовольствие и залог здоровья. Везде центральное отопление. Добротность до батареи — жаром пышет!

— А дутьё в кочегарке с электромотором?

— А то как же! Живём ведь в век электричества...

— А от мотора, наверно, шум... Нет, не поеду я в дом, где такая кочегарка!

Коммунальник хотел было что-то возразить, но прокурор так взглянул на своего гида, что тот лишился дара речи.

— Ничего, братцы, не полишощь, — сказал коммунальник коллегам, когда вернул-

ся в своё ведомство. — Прилётесь подыскать начальству другую квартиру.

— Что ж, попытаемся, — вздохнули труженики жилищного фронта.

Вскоре они нашли то, что искали. Хорошая была квартира. Стены словно посеребрены, паркетный пол, ванная... Вокруг дома зелень, цветы. Поглядел на всё это товарищ Берёзов и сказал:

— Квартирка будто нитяная. Только уж очень тихо вокруг. Такая могильная тишина будет действовать на мою вегетативную нервную систему!

«Ого!» — подумал коммунальник. — Такой клиент нам ещё не попадался. Другой получит ордер — и рад. А этому никак квартиры не сосватаешь. Персона!» Начали они искать другую квартиру. Нашли. Объясняют:

— Дом заводской. Квартира предназначалась стахановцу, да вот решили передать её вам.

Товарищ Берёзов без особого интереса выслушал это сообщение и молчал:

— Не подойдёт!

Коммунальники переглянулись и подумали: «Опять прощались!» Прокурор честно бляделт закон, не хочет покушаться на рабочий жилищный фонд.

— Не подойдёт! — повторил товарищ Берёзов. — Шумно! — и показал на проходящий под окном троллейбус.

«Ага!» — поняли коммунальники и привезли Михаила Ильича в ту часть города, где троллейбус не ходит.

— Далеко от транспорта, — сказал Берёзов. — Детям не на чём будет в школу ездить.

Поднатужились коммунальники и нашли квартиру в самом центре города.

— Низко! — сказал на этот раз Берёзов.

Тогда решили дать Михаилу Ильичу квартиру на четвёртом этаже.

— Высоко! — отмахнулся Берёзов.

Выделили квартиру, так сказать, на среднем этаже.

— Не подходит! — закричало начальство. — И вообще бросьте мне кренделя выделывать!

Испугались коммунальники и поспешили ни живы, ни мёртвы в своё ведомство.

С течением времени они успокоились. Михаил Ильич с домочадцами вселился в квартиру, предложенную ему в первый раз. Но недолго радовались труженики жилищного ведомства. В неурочный час председатель городского совета получил от заместителя прокурора официальное письмо.

Михаил Ильич жаловался на кочегарку, на дутьё, на электромотор. Узнали об этом коммунальники и впади в великое уныние. «Придётся нам сватать прокурору новую квартиру». Подумали об этом сваты и горько заплакали. И по сию пору слышны их стенания во древнем городе Казани.

С. БАХТИАРОВ

Казань.

ХРОНОЛОГИЯ ВОЛОКНЫ

Встретились два смоленских пареня. Разговорились.

— Ты тоже ремесленное училище № 2 окончил? В каком году?

— В 1946 году, как раз тогда, когда начали, если помнишь, выселять из училища пожарную команду. А ты когда?

— Я в 1947 году, как раз тогда, если помнишь, когда областполком начал следить за выселением пожарной команды. А Ваши тоже окончили?

— Паша окончил годом позже, как раз тогда, если помнишь, когда областполком обязал горисполком в двухнедельный срок выселить пожарную команду. А Витя?

— Витя окончил в 1949 году, как раз тогда, если помнишь, когда Крокодил писал об этой полоните в областполком пришла второе решение о выселении пожарной команды. А Сережа?

— Сережа совсем недавно, как раз тогда, если помнишь, когда прокурор предписал выселить пожарную команду.

Однонашки перебрали с десятком своих друзей и знакомых. Многие из них уже на производстве зваными стахановцами сделались, поженились. Пацшами стали...

— Ну, а ты бываешь в училище, заглядываешь по старой памяти? Что там нового?

— Бываю. Как раз на днях был. Ничего нового нет. Хлопоту о выселении пожарной команды. 50 метров площади уже освободили, а за остальные 450 ещё идёт борьба...

«НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРИЧИНЫ»

Внимательно относятся работники Земетинского райсовета Пензенской области к пенсионерам. Ничего не списаны! Нетерпеливы, например, пензенские дело гражданки

Абакиной М. Д. Надо утешить старушку: как-никак, а ей ведь 60 лет. И вместо высылки ей пенсии написали письмо: «Земетинский райсовет сообщает, что по неизвестным причинам Ваше пенсионное дело не обнаружено». А чтобы старушка не совсем расстраивалась, тут же прибавили:

«1) Не брал ли кто из Ваших родственников пенсионное дело для снятия копии с каких-либо документов?»

2) В каком районном комитете Вы получили извещение о гибели сына?»

3) Точный адрес места работы сына до призыва на военную службу и в качестве кого он работал?»

И ходит теперь бедная бабушка по родственникам, выясняет, кто дело взял, до учреждений справки соби-

рает. А почему пока не подучаст — по «неизвестным причинам»

ДЕЛУ ЧАС ПОТЕХЕ ВРЕМЯ

Облетя спом город Первоуральск. Не до сна только обитателям одного из номеров городской гостиницы. Они самозабвенно «трудятся». В табачном дыму смутно видны окунавшиеся лица, испаряющиеся глаза.

Подрезать!

Готово!

— Одну на двадцать пять. Дай, чтобы в точку!

— Держи!

А сколько в банке?

В «банке» крупяная сумма. У банкомата Алексея Ивановича Соколова, что с Московского Завода малолитражных автомобилей, судорожно трясется руки

«Сорвут или не сорвут баню?» — мучает его вопрос. На него с мольбой смотрит его тезка, Алексей Иванович Злобин с московского ЗИС. «Милый, держись! — говорит его избушка. — У тебя в руках грандиозная полонита. Иначе на какие же шиши мы выйдем? Командирочные-то ухаживали. А не выпить — день прошёл. Привычка, ничего не попишешь...»

Какой год обречаются приятели на Первоуральском Коммунальном заводе в ранге «столмачей». Свою высокую миссию она свела к исключительной обязанности узнать, сколько отгружено заводом труб в адрес их предприятий, и отгрузить телеграмму в Москву: отгрузил столько-то и тогда-то, дескать, недаром хлеб ем.

Уделив этому делу в месид час, они оставшее время отдадут потехе, предпочтительно шашке в карты.

Есть ещё на заводе постоявший представитель Тракторпрома тов. Скрипича, и тоже из отгрузки труб, но она «столмачью» не мешает, они ей — тоже. Совместными усилиями они пускают в трубу немалые государственные деньги.

В ОДНУ ЛОШАДИНУЮ СИЛУ

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Зачем вам нужен конь в таком механизированном лесхозе?
— Как зачем! А лес-то на чём возить?

Сообщаем адреса

Читатель О. Дьячков из Ростова-на-Дону пишет: «Купили мы приёмник «Баку», стали настраивать. Индикатор начал лукаво подмигивать и, очевидно, не просто. Настройка наотрез отказалась реагировать на слабые станции.

Ровно через час отказались включаться средние волны. Мы переклютились на длинные. Прошло ещё десять минут, исчезли и длинные волны. А через полтора часа приёмник замолчал уже окончательно и бесповоротно.

Полагаем, что эти радиомехи небезынтересны для руководителей завода.

Поэтому письмо тов. Дьяčkова мы и направляем для ознакомления по адресу:

г. Баку.
Радиозавод.

Директору тов. Саттарову.

* * *

Очень слабы курские арифмометры в арифметике: дважды два на них получается... девять, пятью шесть — восемьдесят три, семью восемь — двадцать один...

Ни одного правильного результата арифмометр не показывает. Грош цена таким арифмометрам, не больше, о чём и доводим до сведения авторов этого изделия:

г. Курск.

Завод счетно-аналитических машин.

Директор тов. Ефимов.

* * *

Существует выражение: «Бумага всё стерпит». Но это бывает не всегда так. Перед нами некое странное изделие. Судя по этикетке, оно, к изумлению покупателей, имеет гигиеническую мочалкой из обрезков бумаги.

Как выясняется, эта бумага не всё терпит. Не терпит она горячую

В ОДНОМ СПОРТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Рис. Ю. УЗВЯКОВА

— Много молодых, способных спортсменов привлечено в наше общество!

— О, да! Три из «Торпедо», два из «Крыльев Советов», шесть из «Искры» и восемь из «Зенита»!

воду. При соприкосновении с ней бумажная мочалка превращается в месиво. Что касается потребителей гигиенической мочалки, то и они терпеть её не хотят и про-

гласно сообщают об этом по адресу:

г. Сухой Лог.

Сибирская бумажная фабрика.
Директору Г. П. Михайлову.

КАК НИ СТРАННО, НО...

...автор заметки «Инициатива паровозников» (газета «Тихоокеанская звезда» от 11 января 1951 года) умудрился привести «поезд со станции Болонь на станцию Комсомольск на семь часов ранее графика», в то время как поезд должен проходить этот участок за четыре часа.

...в посёлке Саяз, Горьковской области, больше исторченных колёсов, чем действующих. Причины, мешающие начальнику коммунального отдела тов. Старикову починить колёсы, несмотря на все старания, не найдены...

...директор Ворошиловградского горпромкомбината Шипилов заслал неизвестно куда ключи от десяти сейфов, проданных им Волынскому облигоснабторгу. Теперь волынцы уже в течение трёх месяцев не могут подобрать ни ключи к сейфам, ни подтверждающих выражений для характеристики «чётной» работы Шипилова.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

«Председателю городского Исполкома т. Благиреву В. И. По исполнению постановления обкома НКП(б) от 9/XII 1950 года сообщаем, что городской отдел здравоохранения проделал следующее:

1. Вызвал и провёл соответствующую работу с главными врачами крупных больниц, в которых обследованым отмечены недостатки и предложено

а) Организовать при больницах больничные Советы и обеспечить их регулярную работу.

б) Провести партийные собрания с обсуждением на них недостатков работы леч. учреждений и их устранения.

в) С этим же вопросом провести общие профсоюзные собрания одним слоем мобилизовать всю врачебную общественность города на резкое улучшение работы леч. учреждений. 12/XII эти вопросы обсуждались на Медицинском Совете Горздрава. 15/XII созываются главные врачи больниц и зав. Райздравами с отчётами о проделанной работе и здесь же будут намечены мероприятия по дальнейшему улучшению работы. В настоящее время горздрав приобретает посуду и мебели для лечебных учреждений.

Зав. горздравом Курлов,
г. Новосибирск.

14/XII—1950 г.

Видимо, автор не отдаёт себе отчёта в том, что он пишет, и безотчётно отчитался... в своей безграмотности...

СЛОЖНЫЙ РАСЧЕТ

Рис. В. ИОНОВАЛОВА

— Что ты задумался!
— Соображаю, на что взять билеты, чтобы попасть в конце концов на «Совесть»!

Уважаемый Крокодил!
Бурную, никак не сдерживаемую деятельность развернул А. Ф. Суханов во вверенном ему Томском лесоперегонном комбинате.

Начал Суханов с увольнения нескольких работников, угрожавших его нежный слух критическими замечаниями. Затем возглавил цехи людьми, состоявшими ранее в натянутых отношениях с законом, а ныне «без лести предавшими» директору. И, наконец, освежил состав работников орсом своими родственниками.

Закончив обновление штатов, шустрый директор приступил к очередным делам: построил уютные дома себе, своему заместителю Астановицкому и бывшему партругу Бююкину. Небольшую часть стоимости домов оплатили, приличия рады, сами домовладельцы, а большая — 100 тысяч — была искусно отнесена директором к расходам комбината на несуществующие объекты.

За все эти и подобные этим достижения А. Ф. Суханов незамедлительно получил вознаграждение в виде повышения. Он уже не директор какого-то там комбината, а управляющий крупным трестом «Томлес». И орудует на новом поприще с ещё более широким размахом.

**П. РОМАНОВ, Н. РЫЖОВ,
И. КУДРЯВЦЕВ**

Томск.

Дорогой Крокодил!

Скажи нам, будь любезен, что сделал бы директор угольной шахты, ну, скажем, в Караганде, получив из Донбасса такую телеграмму: «Отгрузили ваш адрес швелон угля»? Такая телеграмма вызвала бы немало удивления. Ведь в Караганде своего угля достаточно.

Уголь из Донбасса в Караганду никто, разумеется, не шлёт. А вот широкую полосу из Ленинграда шлют нашему Челябинскому облпромтехснабу сколько угодно. Мало того, что шлют, обещают в дальнейшем присылать ещё больше. А зачем, скажи на милость, нужно нам посылать широкую полосу из Ленинграда, когда путём самого простого подсчёта доказано, что широкую полосу, выпускаемую нашими челябинскими предприятиями Роспромсовета, стоит много дешевле? Это всякому понятно: челябинцы не тратят на перевозку и не платят за прогой вагонов.

А в нашей планирующей организации — Роспромсовете — сидят плачовики и в поте лица трудятся над тем, чтобы засылать к нам в Челябинск побольше широкой полосы.

Любопытно: не засылает ли наш Роспромсовет широкую полосу из Челябинска в Ленинград?

**И. ПЛШКОВ,
управляющий Челябинским
облпромтехснабом**

Товарищ Крокодил!

Представь себе, что в магазине готового платья висят хорошие, добротные пальто и костюмы. Покупатели толкаются, хотят купить нужные им вещи, но продавец только отрицательно качает головой:

— Пальто и костюмы не продаются, потому что на них нет пуговиц!

Такого магазина с такими продавцами действительно нет, но нечто подобное есть в нашем городе Ухта (Коми АССР).

Ещё 1 ноября прошлого года было закончено строительством и сдано в эксплуатацию прекрасное двухэтажное каменное здание — общежитие Ухтинского техникума железнодоро-

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

рожного транспорта. Вот уже несколько месяцев студенты техникума проходят мимо этого здания, заглядывают внутрь — хорошо там, светло и тепло. Да только никто в этом здании не живёт.

— Подождём, — говорит начальник Изжемского стройотделения Печорской железной до-

роги тов. Билик, — пока пустят городскую канализацию, и тогда заселим общежитие.

— А разве местную нельзя сделать? — спрашивают студенты.

— Зачем? Уж лучше дождёмся, когда будет городская канализация, — отвечает многозначительно тов. Билик.

Ходят студенты вокруг нового своего общежития и не могут наглядеться. Здесь красиво, чисто, уютно, да что поделаешь: пока пустят городскую канализацию, они, может быть, и техникум окончат!

**Н. ФИЛИПЬЕВА,
инспектор по техникуму Печорской
железнодорожной**

Уважаемый Крокодил!

Любишь ли ты сказки?

И расскажу тебе сейчас сказку про белого бычка.

У Смоленского льнокомбината имени Андрея имеются железнодорожные подъездные пути. Но на них нет технического паспорта. А паспорт нужен. И вот мы обратились в 5-ю дистанцию пути Западной железной дороги с просьбой составить паспорт, где нам ответили отказом. Тогда послали мы письмо начальнику дороги тов. Котляшу. Тот переслал письмо в службу пути. Но там дали совет переадресо-

вать свою просьбу в проектное бюро пути. Начальник бюро не остался равнодушным к нашей просьбе и, в свою очередь, рекомендовал запросить трест «Текстильпроект». И вот тут наступил конец. Ты думаешь, что нам составили паспорт? О, нет! Просто трест посоветовал обратиться... в управление дороги к тов. Котляшу! Тов. Котляш...

Начинай сказку сначала.

**В. ЛАПИН,
зам. директора Смоленского льнокомбината
г. Смоленск.**

КРОКОДИЛ ПОМОГ

✱ Читатель Крокодила сообщил в редакцию об отсутствии культурно-просветительной работы в Снагатском доме культуры Тернопольской области. Эти факты подтвердил Тернопольский областной отдел культурпросветработы. Директору Дома культуры объявлен строгий выговор. Художественный руководитель с работы снят. Принимаются меры к налаживанию работы в Доме культуры.

✱ Рыбачи колхоза «Красный партизан», Темрюкского района, Краснодарского края, написали в Крокодил о нарушении правил советской торговли в районе. Об этом редакция сообщила в Краснодарский крайком ВШПБ, откуда получен ответ, что за грубое извращение принципов советской торговли заводующий Темрюкским райторготделом тов. Журакив от работы отстранён.

рис. В. ФИЛИПЬЕВА (Калуга)

В Ульяновском районе, Нальужской области, плохо готовят сортовые семена к севу.

Поверхностное отношение к очистке семян.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВОНЬ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47. ул. «Правды», 24. тел. Д 3-32-66, Д 3-33-47. Прибл ежедневно с 1 до 5 часов. Подписки цена на журнал — 3 руб. 50 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 172. Подписано и печати 2/III 1951 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А — 01352. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 588. Тираж 300 000 экз.

КУРЬНИКОВЫ

Рис. КУРЬНИКОВЫ

Мистер Эттли в натуральном виде.